

ЛИСАВЕТА
ЧЕЛИЩЕВА

18+

РВАНЬИЙ
ритм

Лисавета Челищева

Рваный ритм

<https://litres.ru/73397826>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла всё: любимого, мечту танцевать и веру в себя. Теперь её мир — это пыльный книжный магазин, где она прячется от прошлого за чужими историями.

Он не ищет отношений. У него опасный бизнес, холодный рассудок и полное нежелание впускать кого-то в свою жизнь. Но случайная встреча с болтливой продавщицей выбивает его из колеи, и он не может перестать о ней думать.

Их тянет друг к другу с опасной силой, но у каждого есть то, что они скрывают. И его тайна способна уничтожить её заново.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Рванный ритм

Глава 1

Раньше я думала, что дом — это место силы. Приходить домой было лучшим, что могло случиться за день.

Звуки маминого смеха на кухне, папины дурацкие шутки, запах чего-то вкусного... Это было моим личным раем все детство. Никогда в жизни не думала, что однажды я буду затыкать уши подушкой, потому что за стеной ор и грохот бьющейся посуды станут моей реальностью.

Я вжимаю подушку в уши сильнее, когда очередная тарелка — кажется, из того самого сервиза, что покупали к маминому сорокалетию бабушка с дедушкой — разлетается вдребезги о стену.

Я плачу. Каждый раз плачу, сколько бы это ни повторялось.

И дело даже не в том, что мне страшно.

Дело в том, что это всё из-за меня. Вся эта хрень — моя вина.

Два года назад всё было по-другому. Два года назад я не ненавидела собственный дом.

Шаги в коридоре. Тяжелые, пьяные, мамыны.

Я быстро вытираю лицо, шмыгаю носом и часто-часто моргаю, чтобы хоть немного снять красноту.

Дверь открывается, и она вваливается внутрь, цепляясь за косяк. Я вскакиваю с кровати и подхватываю маму под руки. Моя комната — единственное место, которое они ещё не разнесли. Я не хочу, чтобы оно разделило судьбу кухни. Поэтому я держу здесь всё: свои тарелки, свои любимые чашки, свои книги. Всё, что можно разбить, я прячу в ящиках комода. Потому что на кухне ничего целого не остаётся.

— Мам, держись, — тяну я её, пытаюсь удержать этот пьяный кулёк.

Она хватается меня за волосы, чтобы не упасть, и я закусываю губу, чтобы не заорать. Она не специально. Просто не контролирует себя.

— Алина, — мычит она, едва ворочая языком. — У нас выпивка закончилась.

Сердце падает в пятки. А я-то, дура, надеялась, что она просто пришла обнять меня.

— Хорошо, мам, — шепчу я, усаживая её на край кровати. — Просто посиди тут.

— Сгоняй в круглосуточный, — она пытается улыбнуться, но выходит криво и страшно. — Купи нам с отцом.

Я поправляю спортивные штаны и убираю волосы с её лица. Ненавижу этот город. Ненавижу эти чёртовы круглосуточные магазины на каждом углу. Ненавижу, что купить бутылку можно в любое время дня и ночи, если доплатить сверху. Мои родители это обожают.

— Мам, мне не пропадут, — напоминаю я тихо. — Уже

за полночь.

— Продадут! — рывкает отец из коридора, и я подпрыгиваю на месте.

Он стоит в дверях, набычившись, и смотрит так, что хочется провалиться сквозь пол.

— А если нет, пап? — мямлю я, нервно теребя край футболки.

— Иди к Михалычу, — цедит он сквозь зубы. — Он продаст. Ему плевать.

Я смотрю то на него, то на маму.

— Я не знаю, где живёт этот Михалыч, — почти шепчу я. Папа со всей дури бьет кулаком по дверному косяку. Я вздрагиваю так, что, кажется, зубы лязгают.

Он не монстр. Я это знаю. Когда он трезвый, это совсем другой человек. Но когда он пьяный — он превращается в монстра.

— На Проспекте Ветеранов, за мясным магазином, — цедит он. — Ты знаешь. Иди.

Я сижу, вжав голову в плечи, и молюсь, чтобы он просто отстал.

— Или мне прийти с ремнем? — голос отца звучит так, что в горле пересыхает, а тело подчиняется раньше, чем мозг успевает осознать приказ.

Я срываюсь с места, не глядя на него. Потому что знаю: если он встанет сам — будет хуже. Я не хочу проверять, что значит «хуже» сегодня. Но это же только когда он пьёт. Толь-

ко когда он пьяный. Трезвый он бы никогда...

Натягиваю толстовку, зашнуровываю кеды. Отец суёт мне хрустящую тысячную купюру в карман куртки.

— Будь осторожна, доча, — доносится мамин голос из моей комнаты, когда я выхожу в коридор.

Проверяю телефон. 22:38.

Спускаюсь по лестнице, перешагиваю через осколки на кухне. Потом уберу. Когда вернусь.

Беру ключи от маминой старой «Лады» — убитой, дребезжащей, но любимой. Выскальзываю на улицу.

Сажусь за руль. Глубокий вдох. Выдох. Ритуал перед каждой поездкой. Я ненавижу водить. У меня от этого почти сердечный приступ каждый раз. Но пассажирское сиденье — хуже. С пассажирским сиденьем у меня связаны другие воспоминания.

Я прикрываю глаза, мысленно переносясь в болезненные воспоминания.

— Алинка, хочешь мороженого? — он поворачивает ко мне голову. Правая рука лениво лежит на руле.

Я улыбаюсь ему в ответ. Он знает, как я люблю это дурацкое клубничное мороженое.

— Глупый вопрос, — качаю головой и улыбаюсь ещё шире.

Он сдвигает затемненные очки на нос и смотрит на меня поверх них. У него такие тёплые карие глаза.

— Ты сумасшедшая.

— Только не говори, что ты это только что понял.

Трясу головой, прогоняя видение. Щипаю себя за руку, возвращаясь в реальность.

Паркуюсь у торгового центра. Днём здесь жизнь кипит — люди ходят, улыбаются, таскают пакеты из «Ленты». Но ночью всё вымирает. Только редкие фонари горят тусклым светом, и вокруг слишком темно для моего спокойствия.

Я никогда не любила темноту.

Вылезаю из машины, обхватываю себя руками. Иду медленно — я всегда хожу медленно, с детства.

Позади слышен смех. Громкий, пьяный, компанейский. У меня сердце уходит в пятки. Когда магазины закрываются, здесь начинается молодежный движ. Бары, клубы, всё такое.

Из-за моей черепашьей скорости группа быстро меня нагоняет. Сердце почти успокаивается, когда они проходят мимо, даже не взглянув на меня. Спасибо и на этом.

Их всего пятеро. Две девчонки, три парня. Идут себе, ржут. Я смотрю им вслед. Они явно друзья. Или просто очень хорошо нажрались, чтобы стать ими на эту ночь. Но мне нравится думать, что они друзья. Что они знают друг друга с детства, ходили в один садик, потом в школу, а теперь, когда им уже за двадцать, встретились, чтобы вспомнить былое.

Я улыбаюсь, но стало как-то грустно. Потому что у меня друзей нет. Вообще. Мои друзья — это подушка, одеяло, любовные романы, которые я перечитывала по десять раз, и

дядя Петя из букинистического кафе на Садовой. Ему под семьдесят, он глуховат на одно ухо, и это идеальный вариант, потому что он не слышит половины моей болтовни. Но он добрый. Он всегда был добрым ко мне. Даже когда родители ещё не пили.

Конечно, я хочу нормальных друзей. Живых. Которые будут со мной тусоваться и переписываться в мессенджерах.

Я пыталась. Но в школе — не вписалась. Во взрослой жизни — тем более.

Я не знаю, где моё место. Такое чувство, что я стою на пороге, вот-вот сделаю шаг, и меня кто-то дёргает назад.

Наверное, дело во мне. Я слишком много болтаю. Это с детства. Когда нервничаю — вообще молчать не могу.

Но дядя Петя не жалуется. Он просто подставляет мне своё глухое ухо, и я тарыхчу весь вечер рядом с ним за чашкой чая.

Грохот банки об асфальт выбивает меня из мыслей. Та же компания стоит над чем-то впереди. Один выливает остатки пива на это «что-то». Другой пинает. У меня сердце сжимается. Я не вижу, что там, но это явно что-то живое. Или кто-то.

Они заканчивают так же быстро, как начали, и уходят, гогоча, как ни в чём не бывало.

Я ускоряю шаг. Подхожу ближе к тому месту — и зажимаю рот рукой.

На обочине сидит старый бомж. Собирает свои пожитки,

которые разлетелись по асфальту. Заметив меня, он вжимается спиной в стену, в глазах — животный страх.

— Доченька, — трясутся его губы, — я ничего... я не хочу проблем...

— Да что Вы! — говорю я как можно мягче. — Я Вам ничего плохого не сделаю!

Но он всё равно боится. У меня сердце разрывается.

Я медленно приседаю на корточки рядом с ним и начинаю собирать его пожитки — тряпки, какие-то пакеты, картонки.

— Они Вас не сильно задели? — спрашиваю осторожно.

— Я в порядке, спасибо, — старик улыбается беззубым ртом, и мне хочется плакать.

— Вот... — я лезу в карман толстовки и достаю ту самую тысячу, что дал мне отец. — Возьмите. Купите себе еды. Или куртку потеплее.

Он смотрит на деньги, потом на меня.

— Ты чего это, дочка? — шепчет он. — Ты... зачем это?

— Возьмите, — я сую купюру в его грязную руку. — Пожалуйста. Мне не жалко.

— Спасибо, — он смотрит на деньги, потом на меня, и глаза у него становятся мокрыми. — Спасибо тебе, родная! Дай бог тебе здоровья!!

— И Вам, — улыбаюсь я и встаю. — Берегите себя.

Иду дальше. В кармане пусто, в голове пусто, а на душе — странное тепло.

Да, мне влетит от родителей. Может, даже по-настоящему.

Но этот старик сейчас согреется и поест, а мои родители и без этой тысячи найдут, как напиться.

Иду по главной улице. Фонтан в центре площади светится одиноко. Дальше — самая стрёмная часть района. Бары. Клубы. Подозрительные типы с закладками. Днём тут кафешки, миленько так. Ночью — притон. Но другой дороги нет.

Я глубоко вздыхаю и ныряю в эту темноту. Иду, стараясь не смотреть по сторонам, пока не замечаю фигуру на скамейке.

Ещё один бездомный?

Я подхожу ближе. И чем ближе, тем сильнее хочется развернуться. Аллея такая узкая. Темная. Безлюдная. И что самое ужасное — это единственный путь к машине.

Нет. Это точно не очередной бездомный. Я вижу очертания челюсти. Широкие плечи, обтянутые кожаной курткой. Руки, которые явно знают, что такое спортзал. Идеальный профиль, подсвеченный отдаленным фонарем.

Незнакомец вдруг резко поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Темно, не разглядеть его лица. Но я чувствую его взгляд. Кожей. И в животе что-то ёкает. Бабочки, что ли? Какие, к чёрту, бабочки, Алина? Ты вообще соображаешь??

— Простите, — выпаливаю я, пока мозг не успел меня остановить. — Я уже ухожу. Вы же не маньяк?

Заткнись, Алина.

Он молчит.

— Не отвечайте, — быстро добавляю я, аккуратно проходя прямо перед ним. — Забудьте.

Он молчит. Просто сидит и смотрит. Или даже не смотрит — уставился куда-то в пространство. Может, он глухой? Или просто игнорит? Или прикидывает, как меня прикончить?

— Извините, — мямлю я и делаю шаг в сторону, пытаюсь не задеть его длинные ноги, которые у него вытянуты.

И как на зло, тут же спотыкаюсь о его ботинок. Ну конечно! Потому что иначе быть и не могло.

Лечу на асфальт, выставив руки, но удар так и не наступает. Меня ловят. Сильные руки, стальная хватка.

— Господи, простите! — тараторю я, выпрямляясь. — Я обычно не такая неуклюжая, честно! Просто тут очень темно, а Вы ногу выставили, ну, не специально, наверное... С Вашей рукой всё в порядке? Вы меня поймали, я, конечно, легкая, но мало ли...

Он молчит. Коротко прочищает горло. Я убираю волосы за ухо и понимаю, что несую полную чушь.

— Простите, я просто хотела сказать, что Вы не похожи на человека, который поставил бы мне подножку.

— ...Ты закончила?

Его голос... Господи, какой у него голос! Низкий, хрипловатый, с лёгкой усмешкой.

Я хочу увидеть его лицо. Очень хочу.

— Да! — выдыхаю я. — Закончила.

Он встаёт. Возвышается надо мной, как скала. Мне даже

голову приходится задрать.

Незнакомец начинает уходить.

— До свидания! — кричу я максимально быстро.

Он останавливается. Оборачивается. Я вижу только его силуэт, но сердце колотится, как если бы он был рядом.

— Может, сходим как-нибудь... ну, не знаю... за кофе? — несую я, понимая, что это лютая наглость.

Он молчит. Секунду смотрит на меня, потом разворачивается и уходит.

Всё.

Я снова одна.

Что со мной не так? Почему я не могу просто заткнуться и быть нормальной? Да я даже в лицо его не видела!

Я выдыхаю, тру лицо ладонями и плетусь к машине.

В 23:15 нахожу маленькую кофейню в конце улицы. Захожу, сажусь за столик. В голове бардак. Вечер — полный провал.

Я сижу и тупо смотрю в стол. Думаю о том парне. Красивый, наверное... С таким голосом просто не может быть уродом.

— Что будете? — спрашивает уставшая официантка.

— У меня нет денег, — говорю я честно.

Она смотрит на меня как на дуру и уходит.

Я сижу ещё пару минут, потом меня выставляют.

Иду домой и думаю, что скажу отцу. Денег нет. Выпивки нет. Будет весело.

Но в глубине души я всё ещё чувствую руки незнакомца на своей талии. И этот голос...

Он сказал всего три слова. Но я готова была слушать их вечно.

Завтра пойду к дяде Пети. Буду болтать без остановки. Он единственный, кто меня слушает. А этого парня я больше не увижу. Я даже лица его не разглядела. Только силуэт. Только голос. И руки.

Господи, Алина, соберись! Но внутри всё равно щемило от пережитого.

Я та ещё дура. Клинический случай.

Глава 2

Я паркуюсь во дворе и еще секунду сижу в машине, тупо глядя на лобовуху. В «Ладе» холодно, двигатель тихо тикает, остывшая, а у меня в ушах до сих пор стоит тот голос. Его.

Вздыхаю, тру ладонями лицо и вылезая из машины. Во дворах темно, фонарь под окнами давно разбили, и я на автомате обхожу стороной темный угол у помойки. Там вечно кто-то тусуется, а настроения объяснять алкашам, что у меня нет мелочи и сигарет, нет ни малейшего.

Наш подъезд (назвать это «парадной» — уж слишком бредово) пахнет кошками и сыростью. Лифт не работает, конечно. Третий этаж я преодолеваю медленно, цепляясь за перила. Эта ночная встреча выбила меня из колеи сильнее, чем хотелось бы. В голове — полный шум. Я даже лица его не видела, а уже напридумывала себе черт знает что. Из-за недостатка любви и внимания?... Возможно.

Останавливаюсь перед дверью квартиры. Изнутри доносится музыка — старый «Сектор Газа», отец его обожает под настроение. Значит, еще не спят. Или уже проснулись.

Щелчок замка — и меня встречает запах перегара, дешевого пива и маминых духов, которыми она пыталась заглушить первый запах. На кухне горит свет, и я вижу их силуэты через новый витраж двери. Оба на ногах. Ждут меня.

— Явилась, — отец не спрашивает, он констатирует с пре-

тензией.

Я снимаю кеды и прохожу в коридор. В животе противно ноет, но я заставляю себя держать спину прямо.

— Привет, — говорю максимально ровно. — Я передумала идти к Михалычу.

— В смысле передумала? — мать выныривает из кухни, в руке недопитая банка. Она смотрит на меня мутным взглядом, и у меня сжимается сердце. Красивая же женщина. Была.

— В прямом, — я вешаю ключи на крючок. — Денег нет. Я их отдала.

Тишина в кухне повисает такая, что слышно, как за стеной у соседей работает телевизор.

— Отдала? — отец выходит в коридор, и даже в полумраке видно, как наливаются кровью его глаза. — Кому ты их отдала, интересно?

— Одному бездомному, — пожимаю плечами. — Сидел у магазина, совсем замерз. Я подумала, что куртка ему нужнее, чем очередная бутылка вам.

Я знаю, что это звучит как жесткая провокация. Знаю, что надо было смолчать, придумать что-то про потерянные деньги или закрытый магазин. Но сил врать нет. И сил бояться их — тоже. Я устала.

Папа делает шаг ко мне, и я чувствую, как воздух в коридоре становится холодным.

— Ты охренела? — рычит он. — Мои деньги — бомжам?

— Твои, — соглашаюсь я, глядя ему прямо в глаза, не моргая. — Ты прав. Твои. Ты их заработал. Имеешь право злиться. Просто я решила, что один раз могу распорядиться ими по-своему. Хочешь наказать — наказывай.

Сама не знаю, откуда во мне взялась эта дерзость. Обычно я молчу, вжимаю голову в плечи и терплю все нападки. Но сегодня... Сегодня что-то щелкнуло внутри. Может, тот незнакомец с его голосом. Может, усталость. А может, просто накипело.

Мама сзади что-то мычит, но я не разбираю слов. Папа смотрит на меня так, будто видит впервые. В его глазах полыхает ярость и что-то еще... растерянность? Мне почти становится его жаль.

— Дура, — выдыхает он наконец и, развернувшись, уходит в комнату. Дверь хлопает так, что штукатурка сыплется с косяка.

Я стою в коридоре и медленно выдыхаю. Руки сжаты в кулаки до боли, но внутри — странное облегчение. Я не ударила в ответ. Не убежала. Просто сказала правду.

Мама смотрит на меня, открывает рот, закрывает и тоже уползает в спальню.

Я прохожу на кухню. Осколки на полу, пустые банки на столе, пепел на подоконнике. Картина маслом. Вздыхаю, беру веник и начинаю убирать.

Вчерашний вечер всё ещё отдавался тяжестью в теле, и каждое движение напоминало о том, как сильно я устала от

всего этого, но я стараюсь не думать об этом. Думаю о другом. О том, что завтра пойду к дяде Пете. И о том, что, кажется, только что повзрослела еще на пару лет. Разом.

~ НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ~

— Петр Сергеевич, Вы спите?

В книжном на Садовой пахнет пылью, старыми книгами и еще чем-то неуловимо родным. Я захожу с черного хода, как привыкла за два года, и сразу ныряю в лабиринт стеллажей с книгами.

Дядя Петя сидит в своем кресле в углу и дремлет над раскрытым томиком Есенина. У него смешные очки в толстой оправе, и одна дужка замотана синей изолентой.

— ...Алина? — он вздрагивает и просыпается. — Господь с тобой, чего кричишь? Не сплю, конечно. Я думаю.

— Думаете Вы с открытым ртом? — хихикаю я, подходя и чмокая его в морщинистую щеку. — Как Вы тут?

— Как сахар в чае — потихоньку таю, — отмахивается он и снимает очки. — А ты чего такая энергичная? Случилось что?

Я замираю с книгой в руках.

— С чего Вы взяли?

— Я старый, конечно, но не слепой ещё, — он хитро шурится. — Глаза у тебя горят. Влюбилась, что ли?

Я закатываю глаза и начинаю расставлять книги на полке,

специально отворачиваясь, чтобы он не видел моего лица. Потому что щеки предательски розовеют.

— Петр Сергеевич, Вы как всегда — фантазируете что-то. Ни в кого я не влюбилась. Просто вчера вечером встретила одного типа... странного.

— О-о. Странного? Это хорошо, — кивает он, явно наслаждаясь нашим разговором. — Странные люди интереснее нормальных. Нормальные — они как пластиковые стаканчики: все на одно лицо. А странные — это винтаж. Рассказывай давай. Кто он?

Я вздыхаю, сажусь на шаткий стул рядом с его креслом и начинаю короткий рассказ. Про темную аллею, про силуэт на скамейке, про то, как врезалась в него, про необыкновенный голос и про то, как он ушел, даже не обернувшись.

Дядя Петя слушает, кивает, иногда покачивает головой.

— И всё? — спрашивает, когда я замолкаю. — Даже лица не разглядела?

— Не разглядела, — признаюсь я. — Но он высокий. И плечи — во!

Я показываю руками, и дядя Петя смеется.

— Ну, Алинка, ты даешь! Влюбиться в голос и плечи. Романтик ты наш.

— Я не влюбилась! — возмущаюсь я, но беззлобно. — Просто... это зацепило. Понимаете? Вы же сами мне говорили — романтизировать свою жизнь, чтобы с ума не сойти. Бывает же такое — вроде ничего особенного, а внутри от-

кликается?

— Бывает, — соглашается он. — Только ты, дочка, смотри. Красивые голоса и широкие плечи — это хорошо. Но жизнь с ними не проживешь, пока человека внутри не познаешь. Ты в душу ему загляни сначала.

Я молчу, переваривая его слова. Дядя Петя всегда говорит просто, но как-то очень правильно.

— Ладно, — встаю и поправляю толстовку. — Все равно я того парня никогда больше не встречу. Чего говорить-то... Пойду я, Петр Сергеевич. Заболталась тут с Вами, а дел невпроворот. Вам булочек из Вольчека принести?

— Не, не надо, — отмахивается он. — Иди уже. И помни: никогда не говори никогда. Если этот твой «голос и плечи» все-таки объявится — не теряйся. Подойди. Поговори. Хуже не будет.

— А если будет?

— Значит, не твой человек, — пожимает плечами дядя Петя. — Отсеется сразу.

Я улыбаюсь ему на прощание и выскальзываю из магазина.

На Садовой солнечно, несмотря на конец лета. Люди спешат по делам, кто-то тащит пакеты из «Пятерочки», кто-то ведет за руку ребенка. Я иду не спеша, наслаждаясь редким теплом, и думаю о словах дяди Пети. «Подойди. Поговори». Легко сказать.

Я сворачиваю во двор-колодец, срезая путь к метро. Здесь

тише, чем на проспекте, и я позволяю себе замедлиться. Мысли уносятся куда-то далеко, вчерашний вечер прокручивается в голове снова и снова.

Я не сразу замечаю, что иду прямо на кого-то.

— Смотри, куда прешь, — раздается надо мной мужской голос.

Господи.

Нет...

Это же... Тот самый голос!!

Я врезаюсь лбом во что-то твердое. Поднимаю голову — и замираю.

Передо мной стоит ОН.

При свете дня он выглядит еще более... пугающе. Высоченный, широченные плечи, черная куртка расстегнута, под ней простая серая футболка, обтягивающая рельефный торс. Темные волосы растрепаны, в одном ухе пирсинг. И глаза. Черные, глубокие, абсолютно злые. Смотрят так, будто я — пустое место.

Он даже не останавливается. Просто обошел бы меня и пошел дальше, если бы я не встала столбом прямо на его пути.

— Стой! — выпаливаю я, пытаюсь перекрыть его траекторию. — Мы вчера виделись! Ну, не специально, но... Ты сидел на скамейке. В аллее. Помнишь? Я еще предлагала сходить на кофе. Но ты ничего не ответил. Я подумала, может, ты меня вчера не услышал тогда. Мы все-таки стояли далеко.

Знаешь, разное бывает...

Он смотрит на меня сверху вниз. Ноль эмоций. Ноль узнавания.

— Ты очень много говоришь.

— Не всегда, — выдыхаю я. — Просто ты говоришь мало. Вчера, кстати, ты ушел, даже не попрощавшись. А сегодня я снова в тебя врезалась. Совпадение? Не думаю.

Он все молчит. Просто смотрит. Как на дуру.

— Тебя как зовут? — не сдаюсь я. — А то неудобно как-то: врезаюсь неоднократно, а имени не знаю.

— Тебе зачем?

— Для общего развития, — пожимаю плечами. — Буду хоть знать, в кого врезаться в следующий раз.

Пауза. Длинная. Неловкая. Он, кажется, даже не собирается отвечать. Просто обходит меня и идет дальше.

Я на секунду зависаю, а потом бросаюсь за ним. Что там говорил дядя Петя? Подойди, поговори, — хуже не будет? Вызов принят.

— Подожди! — я почти бегу, чтобы поравняться с ним. Шаг у него зверский. — Слушай, я понимаю, что ты, судя по всему, не любитель поболтать. Но может, заскочим куда-нибудь? В ближайшую кофейню, например? В знак примирения за то, что я сегодня в тебя врезалась. И за вчера.

Он останавливается так резко, что я чуть снова не врезаюсь ему в спину. Медленно поворачивается. Смотрит на меня в упор. И в этом взгляде нет ни капли интереса — только

холодное раздражение.

— Слушай, — цедит он. — Если я выпью с тобой кофе, ты отстанешь?

Вопрос звучит как пощечина. Ладно... Унижаться, так до последнего. Но я почему-то не обижаюсь на его грубое поведение. Потому что в этом вся суть. Он не притворяется. Он реально хочет, чтобы я исчезла. Но я этого не сделаю. Увы. Я, может, уже люблю, когда меня так прямо отшивают.

— Отстану, — киваю я, невинно глядя ему в глаза. — Честно.

Глава 3

Он изучает меня еще пару секунд. Потом коротко кивает в сторону маленькой кофейни через дорогу.

— Пошли.

И идет туда, даже не проверив, иду ли я следом.

Кофейня маленькая, тесная, пахнет корицей и вкусным кофе. Он садится за столик у окна, закидывает ногу на ногу и утыкается в телефон. Я иду к стойке.

— Ты что будешь? — спрашиваю, оборачиваясь.

— Черный.

— Сахар?

— Без.

— Молоко?

— Сказал же — черный.

Кассирша смотрит на меня с сочувствием. И тут я замечаю на стойке коробку с маркерами и стаканчики. Они тут, как в модных местах, пишут имена на заказах.

И тут меня осеняет.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, обернувшись к нему.

— Для стаканчика надо.

Он даже головы не поднимает от телефона.

— Пусть пишут что угодно.

Кассирша переводит взгляд с меня на него и обратно. Я нагибаюсь к ней поближе и шепчу, почти беззвучно:

— Напишите «Красавчик».

Девушка сдерживает ухмылку, но кивает. Маркером выводит на стаканчике: сначала мой — «Алина», потом его — жирными буквами «Красавчик».

Я расплачиваюсь последней мелочью, что наскребла в кармане, и несу два стаканчика к столику.

Ставлю перед ним его кофе. Он отрывает глаза от телефона, смотрит на стаканчик из-под бровей. Потом переводит взгляд на меня.

— Я не буду из этого пить.

— Почему? — я стараюсь, чтобы голос звучал невинно.
— Тебе же черный, без сахара. Всё как просил.

Он молча смотрит на стаканчик. Потом на меня. В этом взгляде — вселенная ледяного презрения.

— Ладно, — вздыхаю я, забирая стаканчик. — Подожди секунду. Я сейчас.

Иду обратно к стойке. Кассирша, увидев меня, уже не скрывает ухмылки.

— Можно мне новый стаканчик? — прошу я. — Только без надписи.

Она кивает, быстренько переливает кофе в новый, чистый стаканчик. Я возвращаюсь и ставлю перед ним.

— Держи.

Он берет стаканчик. Ни спасибо, ни кивка. Просто берет и отворачивается к окну.

Я сажусь напротив.

— Спасибо, — говорю я. — Что согласился.

Он молчит. Листает что-то в интернете.

Как же это унизительно. Сидеть тут, пытаться пробить стену, а в ответ — ноль. Но при этом... Аж еще хочется. Что за мазохизм?

— Ты всегда такой разговорчивый? — не выдерживаю я.

— Всегда.

— И как тебе так живется?

Он медленно переводит взгляд с телефона на меня. Смотрит в упор.

— До тебя было прекрасно.

Я делаю глоток кофе и смотрю на него без стеснения. Он красивый. Очень. Даже когда хамит и игнорирует. Особенно когда хамит и игнорирует. Да что со мной не так?

— Что делаешь? В сетях сидишь? — не сдаюсь я.

— Работаю.

— Кем?

— Никем.

— Круто. А где учатся, чтобы стать никем?

Он кривит губы. Не улыбка — так, тень раздражения.

— Если скажу кем работаю, помолчишь хотя бы пять минут?

— Да, — киваю я, и правда замолкаю. Интересно же.

Он выдерживает паузу. Смотрит в окно. Потом цедит сквозь зубы:

— В ночном клубе. Менеджером.

— Круто! — вырывается у меня, прежде чем я успеваю заткнуться. — Любишь ночную жизнь и клубы?

— Ненавижу.

— Тогда зачем работаешь там?

Он выгибает бровь. Смотрит так, будто я спросила, зачем он дышит.

— Хорошо платят.

Логично.

Мы сидим в тишине. Я пью свой латте с карамелью, он — свой горький черный. Телефон отложил, но смотрит в окно. На меня — ноль внимания.

Смотрю на экран телефона. Пять минут уже прошло. Ура.

— У тебя классная татуировка, — киваю на его руку с абстрактными линиями. То ли грозы, то ли ветки дерева. Фиг пойми. — Что она означает?

— Ничего.

— Просто так набил?

— Просто так.

Я вздыхаю. Разговор — как вырывание молочных зубов. Но почему-то меня это не бесит. Наоборот, заводит еще больше.

— Ладно, — говорю я, допивая кофе. — Спасибо, что составил компанию. Ты сдержал свое слово, я — тоже сдержу. Отстану.

Встаю, забираю пустые стаканчики, чтобы выбросить. Уже у двери оборачиваюсь.

— Пока? Приятно было поболтать. До следующего... столкновения. И качайся поменьше, пожалуйста. Без обид, но ударяться реально как-то больно.

Он снова пялится в телефон, но уголок его губ чуть дергается. Едва заметно. Я заметила.

Выхожу на улицу и глубоко вдыхаю теплый летний воздух.

Ну и тип. Ледяной. Непробиваемый. Грубый. Но внутри что-то трепещет. Потому что он согласился. Потому что он хотя бы ответил на пару моих вопросов.

Иду к метро и улыбаюсь как дура. Настроение — космос! О родителях думать не хочется. Сегодня я думаю только о себе.

Достаю телефон, набираю сообщение дяде Пете: «Он нашелся. Имя — красавчик. Но это пока. Кофе выпили. Грубиян еще тот. Спасибо за совет».

Ответ приходит через минуту: «Я ж говорил! Держись своего счастья. Грубияны часто самыми верными бывают».

Счастье?.. Громко сказано, конечно. Но что-то в этом есть.

Вечерний Питер шумит вокруг, а я лечу домой на крыльях. И плевать, что там ждет в квартире. Плевать, что, возможно, снова придется убирать осколки и слушать пьяные крики.

Потому что сегодня я пила кофе с парнем, у которого голос, от которого плавают подошвы. И он хотя бы не послал меня сразу.

А значит, жизнь уже налаживается.

Глава 4

На следующий день я пришла к дяде Пете сразу после пар. В рюкзаке — недописанный конспект по истории театра, в голове — полный кавардак из воспоминаний о вчерашнем кофе, а в груди — дурацкое тепло, которое никак не хотело остывать.

— Петр Сергеич, я хочу есть! — закричала я с порога, плюхаясь на его продавленный диван в углу магазина. — У Вас есть что-нибудь вкусное?

Дядя Петя выглянул из-за стеллажа, где раскладывал какие-то древние книги. Очки съехали на нос, в руках — тряпка для пыли.

— Здравствуйте, я ваша тетья, — проворчал он. — В холодильнике пирожки с капустой. Сама будешь разогревать или мне еще и обслугу изображать?

— Сама, сама! — я вскочила и через пару минут вернулась с тарелкой и чайником.

Дядя Петя уже сидел в своем кресле, сложив руки на животе, и смотрел на меня поверх очков с таким видом, будто я шла по минному полю, а он это видел, но предупреждать не спешил.

— Ну, — сказал он. — Рассказывай давай. А то вижу — распирает тебя.

Я откусила пирожок и, жуя, начала рассказ о вчерашнем:

— Я его встретила! Вчера! В центре, во дворе. Представляете, опять в него врезалась. Ну не специально, честно! Он такой стоит, а я — бац!

Дядя Петя кивнул.

— И что дальше?

— А дальше я его затащила в кофейню. Чисто случайно рядом оказалась. Ну, то есть не случайно, я шла, а он там был. Короче, уговорила.

— Уговорила? — уточнил дядя Петя. — Силой, что ли?

— Да нет, он просто спросил: если выпьет со мной кофе, я отстану? Я сказала, что да. Ну и... мы выпили.

Дядя Петя снял очки и начал их протирать. Это был плохой знак. Когда он был недоволен, он всегда их протирал.

— И как прошло?

— Странно, — призналась я, доедая пирожок. — Он почти не говорил. Сидел в телефоне, отвечал односложно. Я даже имя его не узнала нормально — пришлось хитрить. Написала на стаканчике «Красавчик», а он отказался из него пить.

Дядя Петя крякнул.

— А потом?

— А потом я его спросила, кем он работает. Он сказал — в ночном клубе менеджером. И добавил, что ненавидит клубы. Я спросила зачем тогда работает, а он сказал, что хорошо платят.

Дядя Петя водрузил очки обратно и посмотрел на меня

долгим взглядом.

— Алина, — сказал он с паузой. — А ты не думаешь, что он просто не хочет ни с кем общаться? Ну, бывают такие люди. Им комфортно одним. Им не нужны знакомства, разговоры, кофе с незнакомыми девушками.

Я замерла с пирожком в руке.

— Думаете?

— Я не думаю, я предполагаю, — поправил он. — Ты же сама говоришь: сидел в телефоне, молчал, отвечал сквозь зубы. Это не стеснительность, дорогая. Это позиция.

— Но он согласился пойти со мной! — возразила я.

— Согласился, потому что ты достала его, — дядя Петя усмехнулся, но как-то грустно. — Он же прямо спросил: останешься, если выпьем? Значит, для него это был способ от тебя избавиться.

Я смотрела на остатки пирожка и пыталась переварить услышанное.

— Ну и что, — сказала я наконец. — Может, он просто не привык. Может, ему надо время.

— Алина, — голос дяди Пети стал мягче. — Ты слышишь себя? Ты оправдываешь человека, который даже имя свое тебе не сказал. Который сидел в телефоне, пока ты пыталась с ним поговорить. Который даже не поблагодарил за кофе.

— Он поблагодарил! — выпалила я. — То есть... ну, не словами, но он же пришел. Сел. Выпил. Это уже что-то.

Дядя Петя покачал головой.

— Эх, молодежь... Я старый человек. Я много чего в жизни повидал. И знаешь, что я заметил?

— Что?

— Некоторые люди путают хорошее отношение с возможностью завоевать кого-то. Чем хуже к ним относятся, тем больше им хочется доказать, что они достойны любви. Это как игра, в которой нельзя выиграть, но очень хочется продолжать.

Я молчала. В груди защипало, но не от обиды — от того, что его слова попали куда-то глубоко и верно. Туда, куда я сама боялась заглядывать.

— Если мы еще раз пересечемся, — упрямо сказала я, глядя в пол, — я опять его затащу на свидание. Я знаю, что он где-то там ходит. Питер большой, но почему-то мы сталкиваемся снова и снова. Может, это знак?

— А может, просто совпадение, — мягко возразил дядя Петя. — Алина, послушай себя. Ты готова бегать за человеком, который даже не пытается сделать шаг навстречу. Тебе правда нравится, что к тебе так относятся?

Я подняла глаза. Он смотрел на меня с такой теплотой и тревогой, что у меня сжалось сердце.

— ...Я уже не знаю.

Дядя Петя вздохнул. Потом тяжело поднялся с кресла.

— Пойду чайник поставлю. А ты посиди, подумай.

Он ушел в подсобку, а я осталась одна.

За окнами уже темнело. Вечерний Питер зажигал огни —

где-то там, за окнами, гуляли люди, спешили по делам, влюблялись, ссорились, мирились. А я сидела в старом книжном магазине и смотрела, как за стеклом медленно тает серый августовский вечер.

Рука сама потянулась к шее. Крестик с изумрудиками — мамин, старый, еще от бабушки — приятно холодил пальцы. Я тербила его, глядя в окно, и улыбалась.

Почему-то внутри было светло. Назло всему. Назло дяде Пете с его правильными словами. Назло здравому смыслу.

Колокольчик над дверью звякнул, и я оторвалась от пейзажа.

Амир стоял на пороге. Конечно. Кто же еще.

Он вошел с таким видом, будто это не книжная лавка на Садовой, а как минимум проход на красную дорожку. Пальто распахнуто, шарф небрежно намотан, волосы слегка влажные после питерского дождя. Красивый, зараза.

Я мысленно закатила глаза. Опять будет играть в заботливого друга и утешать меня.

Он уже заметил меня — куда он денется с его-то внимательностью — и направился прямо к моему дивану. Дядя Петя, сидевший в своем кресле с газетой, поднял на него взгляд поверх очков, хмыкнул и, кажется, даже не подумал отводить глаза. Я знала этот взгляд: дядя Петя не доверял Амиру. И, честно говоря, я его понимала.

— Алинчик, — растянул он губы в улыбке, и ямочки на щеках появились как по расписанию.

— Привет, Амир, — кивнула я, даже не пытаюсь изобразить радость. — Какими судьбами здесь? Заблудился по дороге в спортзал?

Он провел рукой по волосам — этот жест я знала наизусть, он делал его всегда, когда готовил очередную комплиментарную атаку.

— Соскучился, — сообщил он, усаживаясь рядом. Диван жалобно скрипнул. — По твоей улыбке.

Я фыркнула с полуулыбкой.

— Не сработало восемь лет назад, не сработает и сейчас.

Амир театрально вздохнул и положил руку на спинку дивана с моей стороны. Ну да, классика. Если бы я была другой, может, и повелась бы. Но я слишком хорошо его знала. И слишком хорошо помнила, чьим лучшим другом он был когда-то.

— Пойдем, поговорим, — он кивнул в сторону читательского уголка, подальше от дяди Пети.

Я покосилась на старика. Тот уже подкатил свое кресло поближе к проходу, откуда открывался отличный обзор на нас. Я подавила улыбку.

— Ладно, — вздохнула я и поднялась.

Мы перешли в угол, где стоял тот самый диван, который дядя Петя купил прошлой весной на какой-то распродаже. Амир сел, я — рядом, стараясь не прислоняться спиной.

— Расслабься, — усмехнулся Амир. — Ты как струна.

— Я расслаблена. Просто не люблю, когда меня загоняют

в угол для серьезных разговоров. Это обычно ничем хорошим не заканчивается.

— Красивая и умная, — покачал головой Амир. — Смертельное сочетание.

— Амир, — предупредила я, и он поднял руки в примирительном жесте.

Какое-то время мы сидели молча. Я смотрела в окно, где серый вечер медленно опускался на крыши, а Амир смотрел на меня.

— Как ты? — спросил он наконец. Тихо. Серьезно. Без обычной игривости.

Я отвела глаза. Вопрос повис в воздухе. Как я? Хороший вопрос. Я и сама не знала.

— Нормально, — тихо ответила я, глядя в свои ладони.

— Алин... Ты была там. Ты сидела с ним в машине. Ты видела...

— Я знаю, — резко перебила я. — Я помню.

Амир замолчал. Я знала, что он не отстанет. Он всегда пытался. С того самого дня, как Глеба не стало, он почему-то чувствовал себя обязанным следить за мной. Как будто мог что-то исправить.

— Ты можешь поговорить со мной, — сказал он. — Я не лезу, но если захочешь...

— Не захочу. И не надо на меня так смотреть. Я правда в порядке. Лучше скажи, как ты сам?

Он вздохнул, поняв, что на этот раз я опять не поддамся.

И правильно. Никто не узнает. Никогда.

Я слишком хорошо помнила тот вечер. Слишком хорошо помнила Глеба за рулем — уставшего, но улыбающегося. Мы ехали с его дня рождения, я держала в руках охапку пионов, которые он мне подарил «просто так», потому что знал, как я их люблю. А потом... Потом был удар. Скрип тормозов. Мои цветы, вылетевшие в разбитое окно, на мокрый асфальт.

Я не рассказывала этого никому. Врачи пытали меня вопросами, полиция пыталась, Амир пытался. Но я молчала. Потому что если бы я рассказала, как все было на самом деле, память о Глебе изменилась бы навсегда.

А я не могла этого допустить.

— Я скучаю по нему, — тихо сказал Амир, вырывая меня из воспоминаний. — Иногда захожу в универ и ловлю себя на мысли, что вот сейчас он выйдет из-за угла, затащит меня в столовку и скажет какую-нибудь херню.

Я невольно улыбнулась. Глеб обожал подкалывать Амира, а тот всегда делал вид, что бесится, хотя на самом деле ему нравилось.

— Помнишь, как он на тебя «лаял» в школе? — спросила я.

Амир рассмеялся.

— Боже, да. Он был единственным, кто мог меня заткнуть одним взглядом.

— Не только тебя, — усмехнулась я. — Помню, в девятом классе ко мне привязались какие-то девицы, сказали, что я

уродина. Я чуть не разревелась тогда, а Глеб подошел и посмотрел на них. И они ушли. Никогда больше ко мне не лезли.

— Потому что они знали, что он за свою девушку, если что, в ответку впишется, — покачал головой Амир. — Его все боялись. И уважали.

Я кивнула, глядя в окно. За стеклом моросил дождь — типичный питерский, противный, въедливый. Где-то там, за этими крышами, было то место, где разбилась машина Глеба. Я старалась не ходить туда.

— Твои родители как? — спросил Амир, и я внутренне сжалась.

Вот оно. Вопрос, которого я так боялась. Потому что правду я ему сказать не могла никак. Амир из богатой семьи, его отец — какой-то большой человек в администрации, мать — владелица сети салонов красоты. Если я расскажу им про пьянство отца, про то, как он срывается на мне, когда пьёт, про то, как мама выкидывает мои вещи в окно... Они раздуют скандал. Моего отца могут посадить. А я не хочу этого.

Я же сама во всём виновата.

— У них все хорошо, — ответила я, глядя прямо в глаза Амиру. — Работают, занимаются делами. Все нормально.

Он смотрел на меня пару секунд. Я выдержала его взгляд. Научилась уже врать не моргая.

— Ладно, — сказал он наконец. — Верю.

— А зря, — улыбнулась я, пытаюсь разрядить обстановку.
— Я вообще-то секретный агент под прикрытием. Собираю компромат на богатеньких мажоров в книжных магазинах.

Амир засмеялся своим богатым смехом. Я тоже улыбнулась.

— Держи, — он полез во внутренний карман пальто и вытащил конверт. — Тут немного. Просто так. На книги или... ну, на что сама захочешь.

Я взяла конверт, не глядя сунула в рюкзак. Амир всегда давал деньги. С тех пор как Глеба не стало, он считал себя обязанным помогать мне. Я не спорила. Во-первых, бесполезно. Во-вторых, деньги и правда мне были нужны.

— Спасибо, Амир.

— Обращайся, — он встал, поправил пальто. — Я пойду, наверное. Вечером работа.

— В театре?

— Ага. Ненавижу это место, но платят хорошо.

Я усмехнулась. Где-то я уже слышала такое.

— Давай, — кивнула я. — Заходи ещё.

— Зайду, — пообещал Амир и, чмокнув меня в макушку, направился к выходу.

Колокольчик звякнул, и он исчез в вечерней мгле.

Я еще посидела немного, глядя на дождь. Потом встала и пошла к дяде Пете. Он сидел в кресле с таким видом, будто никуда не отлучался, но я знала — он все слышал.

— Ну что, — спросил он, — опять деньги давал?

— Ага.

— И что ты ему сказала про родителей?

Я промолчала.

Дядя Петя вздохнул.

— Алина, дорогая моя. Ты сама-то понимаешь, что с тобой происходит?

— Со мной все хорошо.

— Да не хорошо. Ты врешь всем вокруг и себе в первую очередь. Про родителей врешь. Про Глеба молчишь. А теперь еще и за этим... как его... красавчиком бегаешь, который тебя игнорирует. Ну посмотри ты на ситуацию здраво. Ты вцепилась в этого парня, потому что боишься оставаться одна со своей болью. А он, судя по всему, не горит желанием становиться твоим спасательным кругом.

— Я не вцепилась, — возразила я. — Просто... было интересно. Поиграть в назойливую даму.

Дядя Петя покачал головой, вздохнув.

— Ладно. Делай как знаешь. Но помни: за любовью бегать не надо. Любовь либо приходит сама, либо ее нет.

Я теребила крестик на шее и смотрела в окно. Только дождь. Только вечер. Только мое отражение в темном стекле, которое смотрело на меня и, кажется, совсем меня не знало.

Глава 5

— Думаете, я его ещё когда-нибудь увижу, Петр Сергеевич? — спрашиваю я, облакачиваясь на его стол и гипнотизируя взглядом чашку с остывшим чаем.

Прошло полторы недели. Полторы недели, как я коллекционирую в голове его интонации. Полторы недели, как приказываю себе забыть этого хамоватого типа с его отвратительными манерами и голосом, от которого у меня поджигаются пальцы на ногах.

— Кого? — дядя Петя даже не отрывается от своей газеты. «Вечерний Петербург», криминальная хроника — его любимое чтение.

— Снежного человека, — говорю я бесцветным голосом. — Спросила, увижу ли я снежного человека.

— А, этого, с широкими плечами? — он хмыкает в усы. — Так он, говорят, в Ленинградской области водится. Под Гатчиной. Тебе туда.

— Забудьте, — я вздыхаю и откидываюсь на спинку скрипучего стула. — Кажется, я окончательно еду крышей.

— Алина, — дядя Петя складывает газету пополам и снимает очки. — Ты с неё съехала примерно в тот момент, когда решила, что парень, который даже имени своего не сказал тебе, — твоя судьба.

— Ура, на этой ноте я и ухожу, — хватаю со стола свою

книгу «Психология абьюзивных отношений» — иронично, да?... и направляюсь к выходу.

— Я тоже вообще-то домой собираюсь! — кричит он мне вслед. — Старика подождать не хочешь?

Мы выходим вместе. Я жду, пока он запирает дверь — три оборота ключа, потом проверить ручку, потом ещё один оборот для надёжности, и мы расходимся в разные стороны. Дядя Петя — к метро «Садовая», я — пешком через дворы.

— Где твоя машина? — доносится его голос уже издалека.

— Я пешком! — машу рукой, не оборачиваясь.

— Я же просил так не делать!

— Пока-а-а! — кричу я и ускоряю шаг, представляя, как он качает головой и бормочет что-то про «современную молодёжь».

Просто сегодня утром я проснулась с диким желанием двигаться. Ноги гудели, кровь требовала разгона, и я решила: к чёрту машину. Прогуляюсь. Тем более, Питер в августе — это отдельный вид наркотика. Солнце, блики в каналах, туристы с мороженым и запах кофе из каждой подворотни.

В книжный я так не ходила пешком уже два года. С самой аварии. Только сегодня колено немного заныло. Напомнило о себе.

Дом встречает меня запахом. Знаете, есть такой специфический аромат у квартир, где пьют по-чёрному? Это не просто перегар. Это смесь дешёвого алкоголя, застоявшегося дыма и какой-то безнадёжности. Он въедается в обои, в

шторы, в подушку.

Я захожу в гостиную, опустив голову. Краем глаза вижу на журнальном столике початую бутылку водки «Парламент» и гранёный стакан с остатками на дне. Зажимаю покрепче книгу и мысленно рисую картинку: здесь стоит ваза с пионами, на журнальном столике — стопка свежих журналов «Караван историй», в кресле сидит отец с чашкой чая и смотрит новости по НТВ.

Не нужно было останавливаться. Не нужно было закрывать глаза. Но я замерла ровно на минуту, и этой минуты хватило.

Отец резко разворачивает меня к себе. Я даже вскрикнуть не успеваю — только вижу его лицо, искажённое злостью.

— Не надо, — выдавливаю я, пятясь назад. — Отпусти.

Я натыкаюсь на журнальный столик, и бутылка с глухим стуком падает на пол. Разбивается.

Страх — это когда сердце перестаёт биться и превращается в камень где-то в груди. Когда постоянно живешь с этим рваным ритмом внутри.

— Посмотри на меня. На меня я сказал!

Я поднимаю голову. Он смотрит на меня тяжелым взглядом, и в этом взгляде нет ничего, кроме глухой, беспросветной злости. Я замираю, боясь пошевелиться.

— Это ты отняла её у нас, — говорит папа. Тихо. Почти спокойно.

Я прикусываю губу так сильно, что чувствую вкус крови.

Рыдание, рвущееся наружу, я давлю где-то в груди, и оно оседает там тяжёлым камнем.

— Я знаю.

Неужели он думает, что я сама не помню об этом каждую секунду?

— Ты была последним лицом, которое она видела. — Он смотрит сквозь меня. — И как ты живешь с этим?...

Темнота внутри меня разрастается. Каждое его слово — кирпичом по голове. Тьма уже заполнила лёгкие, желудок, сейчас полезет в горло.

— Поднимайся.

Он хватает меня за руку и тащит в коридор. Но мы проходим мимо моей комнаты. Мимо... Паника накрывает с головой, когда я понимаю, куда мы идём.

— Пожалуйста, пап, — шепчу я. Рыдаю. Молю. — Пожалуйста, не надо.

Он открывает дверь в дальнюю комнату, куда я не заходила два года. Комната моей сестры.

— Ты виновата, что её здесь нет, — его шёпот обжигает ухо перегаром.

— Пожалуйста, пап, выпусти меня. — Я бьюсь в его руках, как птица. — Пожалуйста!

— Думай о том, что ты наделала.

Он отступает к двери. Слышу щелчок замка.

Я вскакиваю, бросаюсь к двери. Дёргаю ручку. Раз. Два. Три. Заперто.

Чувство вины накрывает бетонной плитой. Я сползаю по двери на пол и вою. Вою, уткнувшись лицом в колени, пока голос не садится, а слёзы не кончаются.

Я сижу в комнате сестры. Впервые за два года.

Здесь всё так же, как в тот день. На стенах — её рисунки. Акварельные домики, котики, принцессы в розовых платьях. На полке — детские книжки с закладками. «Волшебник Изумрудного города», «Приключения Незнайки». На комодке — её любимая игрушка, плюшевый заяц с оторванным ухом, которого она ни за что не хотела выбрасывать. Я сама пришивала это ухо за неделю до того, как всё случилось.

Кристина. Моя маленькая сестренка. Ей было всего семь. Она собиралась пойти в школу, училась читать по слогам, каждое утро бежала ко мне в кровать, чтобы я рассказывала ей сказки перед садиком.

А я уничтожила это. Сама. Своими же руками.

Боже, почему Ты забрал её, а не меня? Я до сих пор жду ответа.

***

Утром меня будит звук возящегося в замке ключа.

Я вздрагиваю и сажусь. В комнате серо, вчерашний вечер кажется страшным сном, пока я не вижу, где нахожусь.

Дверь открывается. Мама. В рабочей форме, с пакетом продуктов.

Трезвая.

— Алина... — её глаза округляются. — Господи, милая!

Она бросает пакет на пол, падает на колени рядом со мной и прижимает к себе. Я рыдаю в её плечо, как маленькая. Она гладит меня по спине, шепчет что-то успокаивающее.

— Что случилось? — она отстраняется, убирает волосы с моего мокрого лица.

— Он запер меня здесь. На всю ночь.

— Что вы тут делаете? — раздаётся трезвый голос отца из коридора. — Мы же договорились не заходить сюда.

Я вжимаюсь в маму. Сердце снова колотится от страха.

— Саш, какого чёрта? — мама встаёт и идёт к двери. — Ты запер её здесь?!

Я смотрю на них. Отец переводит взгляд с неё на меня. В его глазах — пустота.

— Я не помню этого.

— Потому что был пьян, — говорю я. Тишина повисает в комнате.

Отец прищуривается.

— Алина, у тебя галлюцинации. Я этого не делал.

Я смотрю на него. Потом на маму. Она подходит ко мне, кладёт руку на плечо.

— Хорошо, — говорит она мягко. — Я думаю, уход Кристины сейчас просто тяжело на тебя влияет. Ты, наверное, сама вчера пришла сюда и уснула. Я тоже так делаю иногда. Это нормально. Скучать по ней.

Я встаю. Прохожу мимо них. Выхожу в коридор. Иду в свою комнату.

Папа не помнит. Мама оправдывает его. Никто не хочет признавать своей алкогольной деградации.

Под душем я рассматриваю себя в зеркало. Следы аварии до сих пор напоминают о себе — шрамы, которые уже стали частью меня. Врачи говорили, что я чудом выжила. Иногда я думаю, что зря.

Авария отобрала у меня любимого парня и подарила металл внутри. А через три месяца не стало моей крошечной копии. Кристины.

Я не помнила первые две недели после её ухода. А когда вспомнила — это был самый страшный день в моей жизни. Хуже, чем сегодня. Хуже, чем когда-либо.

Я надеваю лёгкое бордовое платье. Свитер брать не буду, хотя знаю, что у дяди Пети в магазине стабильные восемнадцать градусов. Он специально держит прохладу, чтобы книги сохранялись, а я мерзла и ныла об этом.

К дяде Пете я заявила только к обеду. Всю дорогу пинала камешки и думала. О том, что семья — это не место силы. О том, что я устала. И о том, что единственное место, где мне сейчас хорошо — этот дурацкий холодный книжный на Садовой.

— Явилась, — бурчит дядя Петя из-за газеты. — А я уж думал, ты решила сменить место дислокации.

— Я польщена, что Вы заметили моё отсутствие, — улыбаюсь ему, проходя внутрь.

Он откладывает газету и внимательно смотрит на меня по-

верх очков. Я знаю этот взгляд. Сейчас начнутся расспросы.

— Ты сегодня рассеянная какая-то, — замечает он.

— Я вообще необычная, Петр Сергеевич. — Я плюхаюсь в своё кресло. — Такая необычная, что, если хотите знать моё мнение, совершенно неисправимая.

Старик фыркает и снова утыкается в газету. Я мысленно даю себе пять — пронесло.

Достаю книгу, вставляю один наушник. Дядя Петя постоянно раздражается на меня за это, что нельзя читать и слушать музыку одновременно. Говорит, мозгов не хватит. Он просто не знает, что я — чемпионка по многозадачности.

Я читаю час. Потом мне становится скучно. Встаю, подхожу к его письменному столу.

— Вам что-нибудь нужно?

Дядя Петя отмахивается, даже не поднимая головы. Я сдерживаю желание показать ему язык. Вместо этого врубаю в наушниках Old Time Rock & Roll на полную и направляюсь вглубь магазина.

Здесь, в дальнем конце, между стеллажами с философией и психологией, есть небольшое свободное пространство. Идеально для танцев. А я, между прочим, обожаю придумывать движения.

Платье совсем не мешает. Наоборот. Я закрываю глаза и даю волю телу. Пусть колено ноет, пусть мышцы скованы.

Начинаю кружиться на месте, останавливаюсь, трясую головой. В ход идут пластичные движения и покачивания бед-

рами. Начинаю опять кружиться, чуть не теряя равновесие от такого мощного вращения на уставшую голову. Врезаюсь плечом в стеллаж. Проклинаю его от всей души сквозь зубы. И когда открываю глаза...

Он стоит в конце ряда. Тот самый парень, что запал мне в голову.

Его тёмные глаза смотрят прямо на меня.

Я замираю. Наушник выпадает из уха, музыка стихает. Надеюсь, он не видел этот мой коронный номер прямиком из дурки. Хотя, судя по выражению его лица — видел. Всё видел.

Щёки заливаются краской. Я смотрю на свои кеды, потом снова на него. Мне кажется, это галлюцинация. Но нет. Он стоит здесь, высокий, нереально красивый, в своей чёрной куртке, и смотрит на меня. Взгляд скользит по платью, останавливается на моей ноге. Я машинально прячу покалеченную ногу за здоровую, принимая довольно странную позу. Будто в туалет резко приспичило.

— Привет, — выдыхаю я.

Его глаза тут же встречаются с моими. И в этом взгляде — всё та же ледяная бездна. Каждый раз, когда он смотрит на меня, мне кажется, он читает все мои секреты.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, готовясь к тому, что он сейчас развернётся и уйдёт. Но нет. Стоит.

— Что у тебя на руке? — его низкий голос заставляет сердце пропустить удар.

— На руке? — тупо переспрашиваю я. На руке у меня чистая кожа, мечты о питерском солнце и, возможно, остатки шоколадки, что я съела сегодня утром.

Он хватается меня за предплечье. От его прикосновения по коже бегут сумасшедшие мурашки. Я почти задыхаюсь. Почему я так реагирую? У меня что, разгон подростковых гормонов в двадцать два года?

Он слегка приподнимает мою руку и рассматривает синяк чуть выше локтя. Там, где вчера меня держал отец, пока тащил в комнату сестры. Дневной свет из окна подсвечивает его безжалостно.

— Ударилась, — говорю я легко.

Он отпускает мою руку и смотрит на меня сверху вниз.

— Занимаясь чем?

— Сексом, — выпаливает мой рот, прежде чем мозг успевает его остановить.

Господи. Я девственница. Да, до этого я только целовалась и ходила за ручку с Глебом. Я вообще не знаю, что такое... секс. Откуда это вообще взялось в моей голове?

Одна его бровь медленно ползёт вверх. Взгляд опускается на мою ключицу. Мне хочется провалиться сквозь пол этого книжного прямо в метро.

— Сексом, — повторяет он, и от того, как он произносит это слово, у меня внутри всё переворачивается. — А почему тогда синяк на руке, а не... — он делает паузу. — В другом месте?

Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю. Я — человек, который никогда не теряет дар речи, — стою и хлопаю глазами, как выброшенная на берег рыба.

— Что ты здесь делаешь? — наконец выдавливаю я, меняя тему с катастрофической скоростью.

— Мне нужна книга, — он прислоняется к стеллажу.

— Какая книга?

Он молчит. Просто смотрит. Я начинаю нервно тереть подол платья. Он замечает это движение, и его взгляд снова прожигает меня.

— Как ты меня нашёл?

— Я не искал.

— Тогда как?

— Твоя заставка на телефоне, — кивает он на мою руку.
— В прошлый раз, когда ты тыкала мне в лицо этим стаканчиком, я увидел твой экран с этим книжным. Решил зайти, когда понадобилось.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри что-то теплеет. Неужели он запомнил? Специально? Или просто мимо проходил? Чёрт его разбери.

— Хорошо. — Я разворачиваюсь и иду вдоль стеллажей.

— Какую книгу Вы хотели бы, уважаемый читатель?

Он идёт за мной. Молчит. Я останавливаюсь, оборачиваюсь.

— Вы вообще понимаете, что для того, чтобы получить книгу, нужно хотя бы сказать, какая Вам нужна? Или Вы на-

деетесь, что она сама в руки прыгнет?

— Ты всегда так много болтаешь? — цедит он.

— Только когда нервничаю. А Вы действуете мне на нервы.

Я отворачиваюсь и начинаю шарить взглядом по полкам. Научпоп, психология, мотивационная литература. Что ему может быть нужно? «Как перестать быть мудаком за 30 дней»? Есть такая?

— О, я знаю для Вас идеальную книгу, — я снимаю с полки тонкую брошюру и протягиваю ему. — «Как быть хорошим человеком. Для чайников».

Его глаза ядовито сужаются.

— Думаешь, ты смешная?

— Да. А ты слишком серьёзный. Тебе бы расслабиться.

Я ставлю брошюру на место и иду дальше. Чувствую его присутствие за спиной. Он идёт следом, и от этого у меня перехватывает дыхание.

Мы доходим до раздела с биографиями. Я останавливаюсь, делаю вид, что изучаю корешки. На самом деле я пытаюсь унять сердцебиение.

Его запах окутывает меня раньше, чем я понимаю, что он подошёл вплотную. Никакого резкого парфюма. Просто его собственный запах. Чистота, кожа, табак и что-то тёплое, почти сладкое.

Я замираю. Его рука ложится на полку прямо рядом с моим плечом. Я чувствую тепло его тела, даже не касаясь его.

— Знаешь, — говорит он низко, почти в самое мое ухо,

— думаю, ты врёшь.

— Вру? — мой голос срывается на писк. Позор.

— Про синяк. — Его пальцы касаются моего локтя. — Какому парню хватит терпения остаться с тобой надолго, чтобы успеть тебя... — он делает паузу, и я чувствую, как горят мои щёки, — трахнуть. С твоим-то языком без костей.

Я резко поворачиваюсь к нему. Мы стоим так близко, что я вижу свое отражение в его зрачках. Чёрных, глубоких, бесконечных.

— Жесть, — говорю я, стараясь, чтобы голос больше не пищал, — ты такой грубый.

Он кривит губы в усмешке и отстраняется. Идёт дальше по ряду. А я стою, приросшая к полу, и пытаюсь отдышаться.

— Но не всегда, — говорю я ему в спину. — Я знаю, в тебе есть доброта, Красавчик. Ты просто её прячешь.

Он оборачивается. Взгляд — убийственный. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже лежала на полу среди книг по психологии.

— Ты ни черта не знаешь.

— О, я тогда узнаю, — улыбаюсь я. — Узнаю обязательно!

Я подхожу к нему, обхожу кругом, рассматривая. И снова утыкаюсь взглядом в его спину. Широкие плечи, напряжённые мышцы шеи. Мне безумно хочется до них дотронуться. Просто провести пальцами.

Я отворачиваюсь и делаю вид, что ищу книгу. Нахожу

потрёпанный томик «Искусство папье-маше». Идиотизм. С ним наперевес я поворачиваюсь, чтобы показать ему.

И врезаюсь лицом в его грудь.

Он стоит прямо за мной. Моё лицо на уровне его ключиц. Я смотрю на татуировку, выглядывающую из-под ворота его футболки, и забываю, как дышать.

Его рука ложится на полку с другой стороны от меня. Я в ловушке. Между ним и стеллажом. Книга с папье-маше зажата в моих руках, как щит.

— Что ты делаешь? — шепчу я, не в силах поднять глаза.

— Хочу кое-что проверить, — его голос звучит где-то надо мной.

Он берёт книгу из моих рук и кладёт на полку. Я сглатываю. Смотрю на его руки. Татуированные, сильные. Пальцы, которые могли бы...

Он проводит кончиками пальцев по моей руке, от локтя до запястья. Очень медленно. Очень легко. Мурашки бегут табуном.

— Ты дрожишь, — замечает он.

— Холодно, — выдыхаю я.

— Врёшь.

— Нет. Здесь вообще-то всего восемнадцать градусов. Такая температура очень комфортная для... книг. И я...

— Замолчи.

Он поднимает моё лицо за подбородок. Смотрит в глаза. Долго. Так долго, что я начинаю тонуть в этой черноте.

— Не надо, — почему-то шепчу я.

— Думаешь, я тебя поцелую?

Он наклоняется. Медленно. Медленнее, чем можно выдержать. Я закрываю глаза.

— Я не целуюсь с теми, кого не выношу, — слышу я его голос прямо у своих губ.

Открываю глаза. Он стоит вплотную, но не касается. Смотрит с лёгкой усмешкой.

— Ты меня даже не знаешь, чтобы делать такие выводы, — выдыхаю я. — Я Алина, кстати. И узнав меня поближе, ты поймешь, что «не выносить» меня просто невозможно. Я душка по природе. А тебя, кстати, как зовут? Это уже смешно не знать имен друг друга.

Он молчит. Разглядывает моё лицо. Я не отвожу взгляда.

— Алексей, — говорит он наконец.

Алексей. Имя, которое ему безусловно идёт. Твёрдое, мужское, с холодной ноткой.

— Очень приятно, Алексей. — Я протягиваю руку, как для рукопожатия. — Будем знакомы.

Он смотрит на мою руку, потом на меня.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Наглая в край.

Я опускаю руку с неизменной улыбкой.

— Только когда мне что-то очень нужно.

— И что тебе нужно конкретно от меня?

— Пока не знаю, — честно отвечаю я. — Но с тобой интересно.

Он усмехается. Настоящей усмешкой, которая меняет всё его лицо. Делает его почти мальчишеским.

— Ну и бред.

— Тебе же тоже со мной интересно. Не отрицай это.

Он кривится.

— Нет.

— Тогда зачем ты пришёл?

Он молчит. Отстраняется, подходит к полке и снимает с неё тонкую книгу в чёрной обложке.

— За этим, — говорит он, показывая мне. «Анна Каренина».

— Читаешь Толстого на досуге?

— Не люблю читать. Это для работы.

— И как тебе понадобится «Анна Каренина» в ночном клубе?

— Там готовят вечеринку по мотивам. Нужно знать контекст.

Я смотрю на него и чувствую небольшую досаду. Он правда здесь только из-за книги?

— Спасибо, — неожиданно говорит он.

— За что?

— За книгу, конечно.

— Обращайся. — Я улыбаюсь. — Всегда готова помочь красивым парням.

— Красивым? — он выгибает бровь.

— Ага. И не говори, что не считаешь себя красивым. Я не поверю.

Он качает головой, но в его глазах — усмешка.

— Я ухожу.

— Надеюсь, скоро увидимся? Теперь ты знаешь где меня найти.

Он идёт к выходу. Я смотрю ему вслед. Красивая походка. Уверенная. Хищная. Мой внутренний голос кричит: «Дура, он же ледышка!» Но внутренний голос пусть идёт лесом. Потому что лед это замерзшая вода. А любую воду можно разморозить теплом.

В дверях он замирает. Оборачивается.

— Твой телефон.

— Что?

— Дай свой телефон.

Я подбегаю к нему и протягиваю свой разблокированный айфон. Он быстро что-то набирает. Экран загорается новым контактом в записной книжке: «Алексей».

— Не пиши мне. Я сам напишу, когда время будет, — говорит он. И выходит.

Я смотрю на экран. Потом на дверь. Потом снова на экран.

— Алина, — доносится голос дяди Пети из его кресла, — ты чего там застыла? Опять в облаках витаешь?

Я подхожу к нему на ватных ногах, сажусь на подлокотник и показываю телефон в ступоре.

— Это был он. Пришёл сам. Спросил мой номер.

Дядя Петя снимает очки и близоруко щурится на экран.

— Ну надо же, — говорит он. — Вот это поворот событий.

Я улыбаюсь и смотрю в окно. За ним вечер, морозящий дождь и бесконечные крыши. А у меня в груди — щенячий восторг и предчувствие чего-то большого.

— Алексей, — шепчу я. — Будешь моим, Алексей. Я растоплю твой лед. До последней льдинки.

Глава 6

Питер в августе — это наркотик. Особенно если ты родилась здесь и впитала его сырость с молоком матери. Я люблю гулять по городу. Всегда любила. С детства могла бродить часами, задрав голову, разглядывая карнизы, лепнину, балкончики с чугунными решетками.

Но после аварии всё изменилось.

Правая нога напоминает о себе каждые полчаса. Врачи говорили: гулять можно, но с умом. Километр, может, два. Потом начинается боль, и ты вспоминаешь, что после аварии твоё тело уже не то, что раньше.

Сегодня я переоценила свои силы. Сознательно. Потому что иногда хочется плюнуть на запреты и просто дышать городом, даже если потом придётся расплачиваться.

Забрела на Петроградскую сторону, разглядывая доходные дома. Эти здания с эркерами, башенками и майоликовыми вставками — моя слабость. Я могу стоять перед ними вечно, представляя, кто жил тут сто лет назад, какие тайны хранят эти стены.

Останавливаюсь у дома с совой на фасаде. Сова смотрит на меня круглыми глазами, и я улыбаюсь ей, как старой знакомой.

— Привет, — шепчу. — Я тоже не высыпаюсь.

Достаю телефон. 22:15.

Черт.

Домой ехать минимум сорок минут. А если добираться на общественном транспорте с моей ногой — все пятьдесят пять. Родители уже точно на взводе. Я знаю этот сценарий: чем дальше меня нет, тем тяжелее будет возвращаться домой.

Мысленно прокручиваю ситуацию. К тому моменту, как я доберусь до дома, все алкомаркеты в нашем районе будут закрыты. Один магазинчик работает до одиннадцати, но мне ещё до него топать. А отец ждёт свою бутылку. Если приду домой с пустыми руками...

Лучше не думать об этом. Но думать приходится.

Оглядываюсь. Петроградка — место дорогое, но алкомаркеты есть везде. Замечаю вывеску «Винный погребок» через дорогу.

Хромая, перехожу улицу.

Внутри пахнет деревом и дорогим алкоголем. Бутылки стоят ровными рядами, ценники кусаются. Я подхожу к прилавок, за которым скучает девушка в идеально белой блузке.

— Добрый вечер, мне бы... — начинаю я, но она перебивает профессиональной улыбкой.

— Паспорт покажите.

Я замираю.

— Простите?

— Паспорт, пожалуйста. Без него не могу продать.

Я лезу в карман джинсовой юбки, прекрасно зная, что там

пусто.

— Блин. Кажется, оставила его дома. Честно, мне двадцать два, просто я забыла...

Девушка качает головой, но в её взгляде появляется что-то похожее на сочувствие.

— Понимаю Вас, но у нас правила. Штрафы огромные, сами понимаете.

Я стою, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Не от обиды — от отчаяния. Но я же мудрая, да? Я же сильная. Просто день не задался.

— Эй, — раздаётся сбоку.

Поворачиваюсь. У стеллажа с недорогим виски стоит мужик лет сорока, в потертой джинсовке и с усталым, но добрым лицом. Типичный питерский работяга.

— Чего, паспорт забыла?

— Ага.

Он усмехается в усы.

— Бывает. Тут на Петроградке с этим строго. Но я знаю одно место.

Я настораживаюсь.

— Какое?

Он подходит ближе, понижает голос:

— Бар есть тут недалеко, на Гатчинской улице. «Раскольников» называется. Там бармен нормальный мужик, если попросишь по-человечески — войдёт в положение. Только не светись особо. Скажешь, от Виктора. Он поймёт.

Я смотрю на него с сомнением.

— А Вы чего туда не ходите?

— А мне и тут хорошо, — он подмигивает и берёт с полки бутылку. — А тебе, красавица, советую поторопиться. Через час там народу будет — яблоку негде упасть.

Я киваю, бормочу «спасибо» и вылетаю из магазина.

Гатчинская улица. Бар «Раскольников». Интересное название. А главное — какой мотив так называть бар?

Нога ноет, пока я плетусь по вечернему городу. Тупая боль пульсирует в колене, напоминая, что гулять без оглядки на последствия я больше никогда не смогу. Глупая, наивная я. Думала, прогулка вылечит душу? А вылечить придётся ногу от таких гуляний.

Нахожу этот бар минут через пятнадцать. Вывеска неоновая, тусклая, «Раскольников» горит красным. Вход тёмный, изнутри доносится гул голосов и музыка.

Открываю дверь — в уши бьёт басами. Народу полно, танцпол мельтешит в полумраке, кто-то уже в хлам. Чувствую себя героиней фильма, которая зашла не в тот кадр.

Протискиваюсь к барной стойке. В голове пусто, паспорта нет, выгляжу я лет на семнадцать. Просто отлично.

— Принимаем заказы! — кричит бармен, мелькая передо мной.

Светлые волосы падают на глаза, руки двигаются с бешеной скоростью, но он успевает мне улыбнуться.

— Молчишь, красавица, что будешь?

Сердце колотится сильно-сильно.

— Водку, — говорю я максимально уверенно.

Бармен приподнимает бровь.

— Крепковато для такой малышки.

— Не крепковато, — стараюсь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Я вообще-то взрослая малышка уже.

Он усмехается, продолжая смешивать коктейли.

— Паспорт есть?

— На работе в сейфе остался.

Он фыркает.

— Оригинально. А на вид тебе сколько?

— Сколько?

— Ну, дай угадаю... Восемнадцать с хвостиком?

— Мне тридцать один, — говорю я с каменным лицом.

Он залиvisto смеётся, запрокидывая голову.

— Ладно, уговорила. Только если тебя накроют — ты меня не видела, договорились?

— Договорились.

Он ловко наливает мутноватую жидкость в стакан, протягивает мне.

— Держи.

Я лезу в карман за тысячной купюрой, параллельно спрашивая:

— А можно мне всю бутылку?

— Чего?

— Ну, всю бутылку.

Бармен замирает на секунду, потом снова смеётся.

— Серьёзно?

— А что такого?

— Да ничего, просто впервые вижу, чтоб алкоголь навывнос просили, — он роется под стойкой. — Держи.

— Спасибо, — я сую ему тысячу, забираю бутылку.

И в этот момент сзади раздаётся голос, от которого у меня внутри всё переворачивается.

— Какого чёрта тут происходит?

Замираю от знакомого голоса. Медленно поворачиваюсь. Алексей.

Стоит, сложив руки на груди, прислонившись плечом к колонне. Чёрная футболка, тёмные джинсы, этот его вечный взгляд исподлобья. Он смотрит на бутылку в моих руках, потом на меня.

— Привет, — выдыхаю я.

Он молча подходит, забирает у меня бутылку, открывает крышку и выливает содержимое в раковину за барной стойкой. Я смотрю на это с ужасом.

— Ты совсем больной? Я заплатила за нее!

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он спокойно, но в голосе — презрение.

— Покупаю себе выпить.

— Водку. Которую тебе, судя по лицу, даже нюхать рано.

Бармен переводит взгляд с меня на него и обратно.

— Леш, это твоя знакомая?

— Работай, — бросает он, даже не глядя в его сторону.

Бармен пожимает плечами и отходит к другим посетителям.

Я смотрю на Лешу снизу вверх.

— Мне можно. Мне двадцать два.

— Выглядишь на пятнадцать.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Тогда почему он мне нравится?

Он медленно наклоняется ко мне, опираясь руками о стойку.

— Кто знает, какая хрень тебе может нравиться?

— Фу. Некрасиво.

— Как ты вообще сюда попала?

— Виктор посоветовал.

— Кто?

— Мужик из винного магазина. Сказал, тут понимающие люди работают. Продадут без паспорта.

Леша кривит губы.

— С кем ты общаешься. Хотя чему я удивляюсь?

— Ну и что? Я же купила.

— Купила она, — он качает головой. — Сейчас поедешь домой. Без этого.

— Мне нельзя без этого, — вырывается у меня.

Он смотрит внимательнее. Взгляд темнеет.

— Это ещё почему?

Я открываю рот, чтобы ответить, но сзади раздаётся пьяный голос:

— Девушка, а девушка, угостите сигареткой?

Чья-то рука ложится мне на плечо. Я вздрагиваю.

Леша молниеносно выпрямляется, его рука перехватывает чужое запястье.

— Руки чешутся — иди к шлюхам, — цедит он сквозь зубы.

У мужика глаза становятся по пять копеек. Думаю, у меня тоже.

Мужик отшатывается, натывается на его взгляд и быстро исчезает в толпе.

— ...А ты здесь работаешь? — спрашиваю я, когда он поворачивается ко мне.

— Работаю.

Бармен вставляет вскользь:

— Он владелец.

Я стараюсь не округлять глаза. Блин, какой же он крутой...

— Классное место. — я оглядываюсь, делая комплимент заведению, но он никак не реагирует на это. Стараюсь больше: — Красивое название для бара. «Раскольников». Как в книжке?

— Не читаю книжек, — бросает Леша.

— Зря. Так почему такое название?

— Не я выбирал.

— А ты говорил, что ты менеджер в ночном клубе. Получается, это и бар, и клуб в одном флаконе?

Он раздражённо смотрит на меня.

— Много болтаешь, как обычно.

— Только когда нервничаю.

— И часто ты нервничаешь?

— Последние две недели — постоянно.

В его глазах мелькает что-то похожее на усмешку.

Я кусаю щёку изнутри. Он не понимает. Никогда не поймет.

— Мне всё ещё нужна водка, — твёрдо говорю я.

Решаю не скрещивать руки на груди, чтобы не выглядеть по-дурацки.

— Не получишь.

— Я перелезу через барную стойку и сама возьму, если не дашь, — предупреждаю я.

На его лице появляется подобие усмешки. Он наклоняется ко мне, и я чуть не падаю в обморок, но держусь.

— Попробуй.

Я просто кладу голову на руки и прячу от него лицо, пытаюсь придумать адекватный план.

Лёгкий толчок в спину привлекает моё внимание. Поднимаю голову, оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это, и тут же получаю локтем в лицо от какого-то огромного мужика, который вписался в драку с другим.

Моя голова откидывается назад с такой силой, что я могла

бы запросто получить сотрясение мозга. Боль взрывается в переносице. Я вскрикиваю, хватаюсь за нос. Руки мгновенно становятся влажными от крови.

— Твою ж... — слышу я над собой.

Господи, как же больно, мать его! Беру все хорошие слова об этом месте обратно.

Большие руки хватают меня под мышки и стаскивают вниз. Чувствую, как задница скользит по стойке, и вот я уже по другую сторону.

Ну и силища у него.

Вкус крови во рту. Морщусь. Нос и верхняя губа онемели. Пока не чувствую губ, но к утру я точно все прочувствую.

К сожалению, я даже не чувствую одеколона Леша из-за крови, забившей нос. Вот облом.

Он поворачивает меня к себе. Я быстро моргаю, стараюсь не разреветься. Мысли путаются. Он реально добрый или мне кажется?

— Черт, она там как? — доносится взволнованный голос бармена.

— Нормально, — бросает Леша. — Позови охрану. Пусть вышвыривают этих нахрен отсюда!

Леша стоит между моих ног. Хорошо, что я закрыла лицо салфетками, потому что я краснею, как рак.

— Вот что бывает, когда не даёшь мне водку. — шурюсь я, чуть отодвигая салфетку от лица.

Он закатывает свои тёмные глаза, берёт мою руку и снова

прижимает к носу. Снимает меня со стойки. Я смотрю вниз, на все эти бутылки. Вижу водку. Тянусь. Хватаю первую попавшуюся.

Не успеваю сунуть её под куртку и сделать ноги, как Леша прижимается ко мне со спины. Его руки обхватывают меня и грубо забирают бутылку.

— Я же сказал нет, — тихо говорит он сверху.

Ставит бутылку на стойку и тащит меня в подсобку, подалее от чужих глаз.

Мы проходим мимо ящичков с бутылками, заходим в туалет для персонала. Щелчок замка.

— Садись, — кивает на раковину.

Я забираюсь на холодный кафель. Леша протягивает мне пачку салфеток, сам прислоняется к стене, скрестив руки.

Я прижимаю очередную салфетку к носу. Боль пульсирует, в глазах темнеет.

— Дыши ровно, — говорит он. — Голову назад не запрокидывай. Намочи салфетку холодной водой.

— Знаю я. Не первый раз кровь из носа.

Боль накатывает. Вздыхаю. Включаю холодную воду, убираю волосы, чтобы не намочить. Я и так побитая, не хватало ещё мокрой собакой выглядеть.

Он просто стоит молча и смотрит. Ну и помощь.

— И часто тебе прилетает? — спрашивает он.

Я поднимаю глаза.

— Что?

— Часто ты в такие переделки попадаешь?

Я отворачиваюсь к зеркалу. Отражение ужасное: распухающий нос, испуганные глаза.

— Это случайность.

— Я не про это.

Я замолкаю. В груди неприятно сжимается что-то.

— Напомни, как тебя зовут? — вдруг спрашивает он.

Я резко поворачиваюсь.

— Ты сейчас серьёзно? Мы уже столько раз виделись, ты мой номер записывал, и ты не помнишь моё имя?

— Специально не запоминал, — пожимает плечами. — Думал, больше не встретимся.

— Мы обменялись контактами!

— У меня телефон новый. Старый гости бара разбили в угаре.

Я выдыхаю. Ну ладно, это похоже на правду. Или нет.

— Алина, — говорю я. — Алина Рябинина. Запомни уже, пожалуйста. А то неудобно как-то: врезаюсь в тебя регулярно, а ты даже имени не можешь запомнить.

— Алина, — повторяет он, и от того, как это звучит в его исполнении, у меня мурашки по коже. — Запомнил.

Вздыхаю и откидываюсь обратно на раковину.

Потрясающий запах Леша заполняет ноздри, но сейчас это как-то не помогает. Я пялюсь на его татуированную руку, больше никуда не смотрю.

Вблизи его татухи просто офигенные. Вся рука, насколько

видно, забита чернилами. Прямо под низом рукава футболки — мрачные, жуткие знаки. Типа буддистский символизм, наверное. Тёмные и зловещие рисунки. Мурашки по коже. Фон весь в тенях, которые подчёркивают знаки. Блин. Татуировщику надо медаль дать.

Дым идёт от одного знака и обвивает все остальные татуировки на руке. Дерево тянется вверх, мёртвые ветви расползаются по руке, и по спине, наверное, хотя я не вижу, но хотелось бы. Корни уходят в запястье, и ни травинки, ни кустика. Всё мёртвое. На фоне дерева какие-то слова покрывают остальную кожу. Кроме какого-то символа рядом с деревом.

Пытаюсь прочитать дату и слова, что там написаны, но его рука двигается за мою спину. Это возвращает меня в реальность.

Его руки по обе стороны от меня, сердце неистово ускоряется.

— Скажи, зачем оно тебе, — низко говорит он, стоя так близко. — Ты же не пьешь.

Я сглатываю. Почему именно сейчас мозг отключился? В любой другой момент я бы хоть что-то придумала.

— ...Хочу сбежать от всего, — шепчу я.

Я никогда не стану такой, как мои родители. Ни за что не притронусь к алкоголю, после того, что видела. Я, конечно, хочу сбежать от них. Хочу сбежать от вечного напоминания о том, что я виновата в смерти Глеба. Но я бы никогда не стала делать это с помощью алкоголя.

— Хочу забыться, — добавляю я, не вдаваясь в подробности. — Поэтому и покупаю иногда.

Смотрю на него — он уставился в пол. Всего на пару секунд, потом снова смотрит на меня. Его тёмные глаза будоражат бабочек в животе ещё сильнее.

— Тебе не надо пить эту дрянь, — бурчит он, сдвинув брови. — Она не помогает забыться. Только хуже потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.